

СПОРЫ О ВИЗАНТИЙСКОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМЕ
Рец. на кн.: *Куц Т.В.* НА ЗАКАТЕ ИМПЕРИИ:
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СРЕДА ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ.
ЕКАТЕРИНБУРГ: ИЗД-ВО УРАЛ. УН-ТА, 2013. 456 с.

Знаменательным событием в жизни российского византиноведения стало появление новой монографии Т.В. Куц, едва ли не самого продуктивного представителя среднего поколения Уральской византиноведческой школы, об интеллектуальной среде палеологовской Византии¹. Актуальность данного исследования трудно переоценить – она определяется значимостью самого феномена интеллектуализма во всемирной истории. Действительно, роль интеллектуалов не сводима к влиянию в одной лишь знаниевой сфере, к прорывам в одной лишь области – познания мира, хотя и этого было бы достаточно для нескольких книг. Влияние интеллектуалов много шире и всеохватнее. Они не только создают модели воспитания и образования, соответствующие высшим ценностным ориентирам, но и определяют новое качество жизни общества, основанного на принципах свободы, самоценности личностного начала, высокой оценке креативных способностей человека, на признании превосходства культуры над природой, приоритета духовности над прагматикой и стихией потребления. Актуальность монографии Т.В. Куц усиливается остротой поднятых проблем – особым социокультурным статусом носителей интеллектуализма в поздней Византии, в обстановке небывалого культурного подъема, далеко не бесспорно обозначаемого порой византинистами как «Палеологовское Возрождение», и одновременно в условиях жесточайшего кризиса самих устоев Византийской империи. Здесь со всей остротой встает экзистенциальный вопрос – способна ли была интеллектуальная элита Византии осознать всю тяжесть турецкой угрозы для самого существования византийской политики и предложить оптимальные стратегии выживания? Лежит ли на интеллектуальной элите Византии ответственность за финальную трагическую участь Константинополя и империи? И надо сразу отдать должное автору – ее труд соответствует высоте заявленных притязаний.

Успешность и результативность исследовательского дискурса задается полнотой источниковой базы. Т.В. Куц критически изучены разнообразные письменные источники – нарративные тексты, среди которых выделены риторические сочинения византийских авторов последней трети XIV – первой половины XV в. (энкомии, монодии, экфрасисы, синкрисисы и др.), исторические повествования Никифора Григоры, Иоанна Кантакузина, Дуки, Лаоника Халкокондила, Георгия Сфрандзи и других, богатая византийская эпистолография, где одному лишь

¹ *Куц Т.В.* На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии / под ред. М.А. Поляковской. Екатеринбург, 2013.

Димитрию Кидонису принадлежит более 450 писем. Помимо этого задействованы актовый материал и данные просопографии изучаемой эпохи.

Надежной гарантией продвижения вперед в освоении заявленной темы выступают широта и глубина историографического экскурса. Несмотря на относительную молодость проблематики интеллектуальной истории Византии, определенные предпосылки к ее постановке были заложены уже в работах первых византинистов по истории культуры, литературного творчества, образования и воспитания, богословской и натурфилософской рефлексии палеологовской эпохи. Признавая приоритет американского византиниста И. Шевченко в изучении интеллектуальной жизни поздней Византии, стоит лишь вспомнить его монографию 1981 г.², автор справедливо отмечает появление в последние десятилетия новых трендов в понимании интеллектуального наследия поздней Византии: здесь и повышенный интерес к конструированию образа «другого» в поздневизантийских текстах – будь то «латинянин», «франк» или «турок»; здесь и пристальное внимание к формам интеллектуальной коммуникации, и микроструктурный анализ интеллектуальных сообществ столицы и провинциальных центров, и изучение деятельности отдельных персон в русле новейшей *Personale Geschichte* и пр. Всем этим вызовам новейшей византистики Т.В. Куш находит дальнейшее продолжение, артикулируя новые аспекты исследовательского поиска – анализ институциональных оснований сообщества византийских интеллектуалов; изучение социально-психологических реакций и поведенческих моделей интеллектуальной элиты в экстремальных условиях; осмысление уникального опыта интеллектуализации власти в Византийской империи и некоторые другие.

Обновлению знания способствует и методологический инструментарий, избранный Т.В. Куш. Ею продуктивно используются методы интеллектуальной истории, в основе которых лежат классические труды Томаса Куна³, Мишеля Фуко⁴, Гастона Башляра⁵ и Луи Альтюссера⁶ с их идеями смены парадигм, или эпистем, приемы микроисторического анализа, разработанные Карло Гинзбургом⁷ и его последователями, методы новой социальной истории, убедительно продемонстрированные Робертом Дарнтоном⁸. Но, пожалуй, решающая роль в монографии отводится просопографическому методу, обоснованному Майклом Арн-

² *Ševčenko I. Society and intellectual life in Late Byzantium. L., 1981.*

³ *Kuhn Th.S. The structure of scientific revolutions. Chicago, 1962 (n. ed.: 2012).*

⁴ *Foucault M. Intellectuals and power // Language, counter, memory, practice / Ed. by D. Bouchard. Ithaca, 1980. P. 205–217.*

⁵ *Bachelard G. The formation of the scientific mind. Bolton, 2002.*

⁶ *Althusser L. Philosophy and spontaneous philosophy of the scientists [repr. ed.]. 2012.*

⁷ *Ginzburg C. Clues, myths and the historical method. Baltimore, 1989.*

⁸ *Darnton R. Gens de lettres, gens du livre. P., 1992.*

хаймом, Анри Шастаньодем и Тимоти Барнсом⁹. В соответствии с его канонами автором составлено досье на каждого из 152 византийских интеллектуалов 1371–1453 гг., в которых отражены происхождение, семья, родственные и дружественные связи, образование, карьера, круг общения и перечень авторских сочинений. Составленная выборка характеризуется как естественным образом сложившаяся, на основе которой предоставляется возможность реконструировать фундаментальные характеристики сообщества византийских интеллектуалов в целом. Этот метод применен безупречно, в лучших традициях уральской школы византиноведения. Учет поколенной сменяемости по линии наставническо-ученических связей (учитель – ученик – ученики учеников) позволяет Т.В. Куц подойти к пониманию смысла интеллектуальной трансформации в Византии, произошедшей к середине XV в.

Убедительна структура монографического исследования Т.В. Куц. К интересным новым наблюдениям приводит социокультурный анализ поздневизантийской интеллектуальной среды, проделанный автором. При очевидной устойчивости и постоянстве эта среда не была единой: выделялась элита, определявшая духовный климат в византийском обществе; ей противостояла интеллектуальная периферия; различались сторонники исихазма, паламизма и их противники, латинофилы, туркофилы и ортодоксы. Менее 10% интеллектуалов принадлежали к аристократическим кланам, включая представителей правящей династии. Подавляющая же масса происходила из средних слоев, из самой гущи народа, демонстрируя открытость византийского общества, редкие для Средневековья возможности вертикальной социальной динамики в Византии благодаря образованию и интеллектуальным талантам. Это – служители церкви, учителя, врачи, юристы, военные. Треть интеллектуалов смогла достичь положения знати, конвертируя индивидуальный высокий уровень образованности и личные способности в социальный капитал.

Как справедливо отмечает Т.В. Куц, столица отнюдь не доминировала в интенсивной интеллектуальной жизни империи; больше половины интеллектуалов, выделявшихся высокой духовной креативностью, были связаны с провинцией, что позволяет сделать существенный вывод о провинциализации интеллектуальной сферы в последнее столетие существования Византийской империи. Еще более впечатляющи наблюдения демографического порядка – о средней продолжительности жизни, уровне брачности, преобладании безбрачия в византийской интеллектуальной среде, ее маскулинности и этнической гомогенности.

⁹ *Arnheim M.* The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford, 1972; *Chastagnol A.* La prosopographie, méthode de recherché sur l'histoire du Bas-Empire // *Annales. Économies, sociétés, civilisations.* 1970. Vol. 25. P. 1229–1235; *Barnes Th.D.* The new empire of Diocletian and Constantine. L., 1982.

Заслуживает поддержки и другое значимое заключение Т.В. Куц – о социальных стратегиях византийских интеллектуалов, пределом мечтаний которых было получение высокой государственной должности при дворе, поскольку социальное благополучие в Византии гарантировала не земельная собственность, а служба императору, которая воспринималась как наилучшая возможность служения общему благу и общей пользе.

Весьма важны рассуждения исследователя о формах интеллектуальной коммуникации в палеологовской Византии. Здесь – и возрождение античного образца ученой дружбы, участие в судьбе учеников, обмен учениками, и публичные диспуты, дискуссии, обмен сочинениями для критики, или перевода, и деятельность особых объединений византийских интеллектуалов, так называемых театров, предшественников получивших на Западе распространение в эпоху Ренессанса академий, и изощренные эписистолярные практики, и обмен дарами. Особое значение в институализации интеллектуальной среды приобрели именно «театры», где проводилось публичное испытание мыслительных способностей, искусства риторики, ведения полемики тех, кто закончил постижение наук и мог рассчитывать на вхождение в круг избранных.

Богат многими новыми идеями анализ гуманистических тенденций в интеллектуальной жизни поздней Византии. Автор отмечает, что особый византийский гуманизм стал реакцией на исихазм и паламизм. Сквозь антикизирующие топосы гармонии, красоты, моря, природы, города в рефлексии византийских интеллектуалов проступает озабоченность судьбой Константинополя и империи. Наиболее глубокие умы предвидели трагическую участь Византии, однако одновременно им была присуща твердая убежденность в извечности имперской идеи и столицы христианской ойкумены, которая передаст свою харизму достойному преемнику.

Новые ориентиры задают и размышления Т.В. Куц о реакции интеллектуалов на реальные вызовы и угрозы, которые выпали на долю Византии в XIV–XV вв.: здесь и конфронтация в обществе, и обострение внутрдинастической борьбы, и эпидемия чумы, и османская экспансия. Пессимизм интеллектуалов порождался не столько этими бедами, сколько упадком нравов, патриотизма, образования в Византии. В качестве действенного средства изменения ситуации были предложены доктрины неозеллинизма Георгия Гемиста Плифона и «византийского национализма» Мануила Хрисолоры. Последний говорил о необходимости возрождения школ, наук, языка как условий не только свободы, но и сохранения империи.

Исключительно ценны результаты исследования кросс-культурного диалога Византии с Западом, проведенного Т.В. Куц. Латинофильство автор справедливо рассматривает как форму инакомыслия по отношению к позиции ортодоксии. Однако подобное инакомыслие не подавлялось государством, а, напротив, порой им культивировалось, поскольку сама власть выступала инициатором обновления Византийской империи на путях унии с Западом. Латинофильство стало решающим фактором

интеллектуальной эмиграции из Византии в страны Западной Европы, в первую очередь в Италию.

В общем, монография Т.В. Куш вносит существенный вклад в изучение сложного и неоднозначного историко-культурного феномена – интеллектуальной среды Византии в решающей стадии существования империи.

Как всякое исследование, осуществляющее прорыв в научном познании, монография Т.В. Куш неизбежно порождает вопросы и тем самым стимулирует дискуссию.

Прежде всего насколько приемлема категория «интеллектуал» в отношении византийской духовности палеологовской эпохи? Известно, какую критику вызвала монография Жака Ле Гоффа «Интеллектуалы в Средние века»¹⁰. Отмечалось, что так называемые интеллектуалы не занимались светскими областями познания, не были ориентированы на постижение научной истины, которая может быть обоснована средствами разума, подтверждена экспериментом и праксисом, не обладали свободой мысли, а главное – не обладали научным знанием, которое сообщает знающему особую внутреннюю силу, способность пожертвовать собственной жизнью ради истины. Предлагалось пользоваться более надежным и утвердившимся термином «книжники». Это говорилось относительно средневекового Запада, где были университеты, факультеты не только богословия, но и права, медицины. В Византии поле проявления интеллектуальной индивидуальности было и того уже. Те византийцы, что блистали умом и красноречием, состояли на государственной службе империи и, стало быть, в еще большей степени были несвободны; они отличались не упорством в постижении и отстаивании истины, но двоемыслием, сервильностью, показной лояльностью императору и ортодоксальной церкви; никто из них не был способен жертвовать не только жизнью, но и хотя бы частью своего благополучия ради великой цели приближения к истине. Конечно, они были необыкновенно образованны, обладали широкой эрудицией, знанием классических авторов, в совершенстве владели искусством слова, писаного и устного. Но это были, скорее, риторы, литераторы, кого на Западе в ту же эпоху называли «litterates».

Далее, хотелось бы остановиться на вопросе корпоративной институализации интеллектуальной среды поздней Византии, тем более, что он приобретает особую остроту в силу акорпоративности византийского общества в целом. Да, здесь сложились свои неписанные нормы, модели, механизмы профессиональной коммуникации, сложились представления об авторитете, школе, мыслительной преемственности от учителя к ученику. И все же этого мало для определения сообщества византийских интеллектуалов как корпорации. Это – еще лишь протоинституализация поздневизантийской интеллектуальной среды, которая так и не получила своего завершения, была насильственно прервана турецким

¹⁰ *Le Goff J. Les intellectuels au Moyen âge. P., 1985.*

завоеванием. Здесь недостает легитимации отношений в ученой среде, каковая была на Западе с XII в. и даже в тех областях византийского культурного круга, где доминировали принципы унии. Скажем, в среде армянской диаспоры в Кафе, которая была беспросветной периферией по сравнению с Константинополем, сложилась корпорация профессоров бывшего Татевского университета, и там проводились защиты диссертаций, присваивались ученые степени бакалавров и магистров. Образованное сообщество палеологовской Византии более похоже на воображаемую «литературную республику», своеобразное экспертное сообщество, которое диагностировало состояние империи, высказывало обоснованные прогнозы на дальнейшее развитие событий, но не знало ученой иерархии, строгих правил адаптации в свою среду, совершения особых процедур посвящения, ритуалов инвеституры с клятвами и присягами. Здесь, быть может, более уместно рассматривать коммуникацию в образованной среде Византии в контексте модных сегодня на Западе концепций «социальных сетей», или *soziale Netzwerke*, если воспользоваться терминами Зиты Штекель¹¹.

Невозможно обойти молчанием еще один момент. В монографии достаточно широко используется понятие «наука». Однако в какой мере можно о таковой говорить применительно к Византии конца XIV – первой половины XV в.? Наука сопряжена со светской системой образования, опирается на личностную самоидентификацию ученого, на развитие свободной мысли, созидательные способности исследователя. Если в античности наукой наук выступала философия, в Средние века – теология, то в эпоху Возрождения на статус всеобъемлющей науки стала претендовать мантика, вбирающая в себя и натурфилософское знание, и алхимию, и астрологию, и магию, как убеждают работы Аби Варбурга, Фрица Закля, Фрэнсис Йейтс¹² и др. В действительности, всё это – еще донаучное состояние знания, это еще – протонаука. Знанию «высококолых» в ту эпоху достаточно сильную оппозицию составляло «народное знание», культивируемое учениками, путешественниками, купцами, ремесленниками. Все великие открытия того времени были совершены как раз представителями этого сниженного знания, что вновь отражает донаучный статус мировоззрения как Византии, так и современной ей Западной Европы.

В целом, высказанные в порядке полемики суждения делают монографию Т.В. Куц только еще более привлекательной для последующей рефлексии.

А.Г. Еманов

¹¹ *Steckel S.* Kulturen des Lehrens im Frü- und Hochmittelalter: Autorität und Netzwerke von Gelehrten. Köln; Weimar; Wien, 2011.

¹² *Warburg A.* Die Erneuerung der heidnischen Antike. Beiträge zur Geschichte der europäischen Renaissance / Hrsgb. von H. Bredekamp und M. Diers von Oldenbourg. Berlin, 1998; *Saxl F.* Lectures. L., 1957; *Yates F.* Giordano Bruno and hermetic tradition. L.; Chicago, 1964.